

Е. Б. Долгов

ПЕТРОВСКИЙ СЕНАТОР МИХАИЛ ВЛАДИМИРОВИЧ ДОЛГОРУКОВ ВО ГЛАВЕ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ

Княжеский род Долгоруковых (Долгоруких) относится к потомству легендарного основателя Древнерусского государства Рюрика, т. е. к Рюриковичам, и известен с XV в.¹

Михаил родился 14 (24) ноября 1667 г.² (по другим данным, в 1669 г.³), по-видимому в Москве, в семье комнатного стольника, а затем боярина князя Владимира Дмитриевича Долгорукова (1638–1701) и Татьяны Тимофеевны, урожденной Ладыгиной (1644–1679). У него было пять братьев и две сестры, он же являлся третьим сыном своих родителей⁴. Юноша получил домашнее воспитание, причем так и не смог научиться писать. Впоследствии будущий сановник признавался, что «он грамоте не умеет». Пятнадцатилетний Михаил Владимирович начал службу «в жильцах», 25 декабря 1685 г. из жильцов пожалован в стольники, в 1688 г. произведен в комнатные стольники и с тех пор сопровождал государей в их поездках на богомолье. В 1689 г. молодой придворный принял участие во втором Крымском походе «в полку отца своего», в чине капитана проявил себя в первых кампаниях Северной войны 1700–1721 гг. 30 января 1696 г. царедворец «дневал и ночевал при гробе» Ивана V и участвовал в похоронах последнего. В 1715 г. стольник «в начальных людях» М. В. Долгоруков нарядился «в венецианское платье» и с «парой свирелей» присутствовал на свадьбе известного петровского сподвижника Н. М. Зотова⁵. В 1693 г. он женился на княжне Евдокии Юрьевне Одоевской (1675–1729), у них родились четверо сыновей и четыре дочери⁶. По сведениям 1713 г., в его имениях числилось «крестьянских и бобыльских 500 дворов», где проживало более 2000 человек⁷. В общем, М. В. Долгоруков «имел за плечами традиционную для того времени „пеструю“ карьеру, включавшую и участие в военных действиях, и придворную службу, и руководство... органами власти»⁸. Находясь в старинном чине стольника, он не входил в систему думных чинов и оказался малоизвестным будущему императору, так как до 1711 г. не состоял в окружении последнего.

Отправляясь в Прутский поход, Петр I 22 февраля 1711 г. подписал указ об организации нового высшего государственного учреждения – Сената: «Определили быть для отлучек наших Правительствующий Сенат, для управления»⁹. Этот властный институт возник как продолжение областной реформы 1708 г., создавшей губернскую систему, и призван был координировать работу губернского аппарата в качестве коллегиального правительственного органа на время отсутствия царя и вместо него. Компетенция Сената недостаточно четко определялась в его учредительных документах, что свидетельствовало о том, что вначале он являлся чрезвычайным и временным органом

государственной власти, но затем приобрел характер постоянного высшего учреждения. Впрочем, существует и иная точка зрения: по мнению ряда историков, хотя Сенат и появился в спешке, но сразу представлял собой постоянно действующий институт власти¹⁰.

Царские указы от 2 марта 1711 г. уточняли полномочия и функции Сената: ему поручалось попечение о правосудии в стране, устройстве государственных доходов, общем управлении, торговле и различных отраслях государственного хозяйства¹¹. Указ Петра I о послушании Сенату обязывал духовных, военных, земских высших и низших чинов быть послушными сенатским распоряжениям, «так, как нам самому, под жестоким наказанием или и смертию, по вине смотря»¹². Таким образом, новому учреждению предоставлялись столь же безграничные права, как и права царствующего государя. Он становился «доверенным коллективным приказчиком большой вотчины Петра»¹³. Другой указ обнаруживал генеральную идею, сформулированную царем: «Денег, как возможно, собирать, понеже деньги суть артериею войнью». Заботе о финансах здесь были посвящены статьи, обязывавшие рационально расходовать поступающие в казну доходы, упорядочить откупа, увеличить прибыль от эксплуатации соляной регалии и содействовать развитию китайской и персидской торговли. Одна статья требовала от Сената «суд иметь нелицеприятный и неправедных судей наказывать», а другая поручала ему «дворян собрать молодых для запаса в офицеры»¹⁴. Указ от 5 марта 1711 г. регламентировал порядок работы сенаторов, причем при обсуждении дел требовал от них «голосы иметь равные и... подписывать всем своими руками»¹⁵.

Постепенно разнообразие вопросов, порученных Сенату, привело к тому, что на его рассмотрение стали поступать все дела административно-судебного и финансового характера, которые должны были решаться в соответствующих приказах. Очень скоро Сенат стал высшим судебным и административно-управленческим учреждением, а иногда его власть из пределов административных переходила в законодательную. Он осуществлял контроль за деятельностью приказов, а после их ликвидации – за коллегиями и местными властными структурами. В первые годы своего существования Сенат развил «изумительную, до того времени небывалую деятельность»: снабжение армии и флота людьми, лошадьми, амуницией, боевыми припасами, жалованьем, провиантом и фуражом; сбор и доставка рекрут; надзор за службой и обучением дворянства; обеспечение безопасности границ; приведение в порядок финансов; установление новых налогов; монетное дело; поощрение торговли и развитие промышленности; постройка городов, прорытие каналов, проведение дорог, организация почты, принятие мер против пожаров, голода, эпидемий и разбоев; забота о школах; церковные дела; отправление правосудия; возбуждение законодательных вопросов и участие в составлении и обсуждении проектов законов – всего невозможно и перечислить, – «все это не миновало его рук, так что во многих случаях даже трудно сказать, где кончалась власть Сената и начиналась власть монарха»¹⁶.

В результате в стране Сенат «ведал решительно все и всех» и «не было отрасли управления, не входившей в состав его компетенции»¹⁷. Сенаторам предписывалось на общем собрании в присутствии решать дела коллегиально, заслушивая и записывая в протокол мнение каждого, «дабы не клеветали непокоривые человецы, что се или иное силою паче или по прихотям своим, нежели судом или истиною, заповедует монарх»¹⁸. Окончательное решение принималось первоначально единогласно,

а с 1714 г. – большинством голосов и также записывалось в протокол, под которым расписывались все члены Сената. В 1714 г. были введены ежедневные дежурства сенаторов, установлено расписание заседаний этого высшего органа власти (по понедельникам, средам, пятницам) по делам законодательства, управления и суда. Петр I постоянно находился в переписке с «господами Сенат», как он обыкновенно называл данное учреждение¹⁹. Он внушал его членам строго за всем смотреть, «понеже иного дела не имеете, точию одно правление, которое ежели неосмотрительно будете делать, то пред Богом, а потом и здешнего суда не избежите»²⁰. Царь требовал от Сената быстрого решения насущных вопросов, а между тем указы последнего в губерниях сплошь и рядом не исполнялись, «подымалась волокита» со стороны представителей областной администрации, да и в самом учреждении делопроизводство шло не всегда «изрядно»; кроме того, к вышеупомянутым «затруднениям» присоединялись вражда, ссоры и споры между сенаторами и между ними и губернаторами. «Так как сенаторы – вельможи, – писал в своем дневнике один иностранный дипломат при русском дворе, – то сидящие с ними... не осмеливаются противоречить им и пляшут по их дудке, а отсюда и рождается множество интриг и несправедливостей; когда на одного из них приносится жалоба, все они соглашаются между собою, и уж, конечно, одна ворона не выклюет глаза другой, поэтому многие порядочные люди не мало страдают»²¹.

22 февраля 1711 г. в ряды сенаторов попали сразу девять человек. М. В. Долгоруков был определен в состав Сената наряду с другими видными сановниками из числа соратников государя и представителей различных аристократических кланов, которые оказались людьми как бы второго властного эшелона и образовали верхушечный сегмент тогдашней бюрократии и правящей элиты страны²². В список сенаторов царь заложил иной принцип комплектования нового правительственного института. В отличие от Боярской думы Петр I «породе» предпочитал служебную годность. Между тем в Сенате заседал не владевший грамотой М. В. Долгоруков, и на сенатских указах вместо него расписывались его коллеги Г. А. Племянников, В. А. Апухтин, М. М. Самарин²³. Опираясь на мнение современников, историк Д. А. Корсаков писал о том, что Михаил Владимирович «был человек более чем дюжинный, но бескорыстный и вполне честный»²⁴. А испанский посланник герцог де Лириа, напротив, желчно замечал: «Князь Михаил Долгоруков... был такой тщеславный человек, какого я не встречал никогда; для него все было безделаца; но вместе с сим он готов был сделать все, чтобы достичь до своей цели. Ума у него было немного; он лгал ужасным образом; был коварен; не любил никого и скуп до чрезвычайности – словом, в нем не было ничего путного»²⁵. Далеко не лестную и весьма категорическую характеристику сановнику дает и его потомок П. В. Долгоруков, утверждавший, что тот «был напыщен, глуп и малообразован»²⁶. Впрочем, «многомысленный и беспокойный» преобразователь почему-то ценил своего сенатора-креатуру рода Долгоруковых, тем более что при нем право занимать сенаторскую должность предоставлялось только лицам, обладавшим умом, собственным достоинством и служебным рвением. Государь «прежде всего потребовал от Сената и сенаторов, чтобы каждый подписывал свое согласие с известным решением, чтобы никто впоследствии не отговаривался своим безучастием в решении дел. Петр поступал бесцеремонно, не останавливался перед выражениями. Так, он требовал, чтобы каждый подписывал решение, подписывал свое мнение, как он выражался, чтобы „дурость“ каждого была видна. Таким образом, из страха не показать свою „дурость“

каждый занимался серьезно своим делом, обдумывал его и являлся с зрелым, всесторонним взглядом, с мнением»²⁷. Принеся 2 марта 1711 г. присягу, Михаил Владимирович принялся «трудиться нелицемерно», начал «честно, неленостно, но паче ревностно исполнять звание свое» и до 1717 г. добросовестно отправлял многотрудные обязанности члена Сената, не совмещая их с работой на иных ответственных постах²⁸. Например, в 1716 г. ему удалось дипломатично избежать назначения московским губернатором на место уволенного А. П. Салтыкова²⁹. Однако 15 декабря 1717 г. по поручению Петра I сенатор М. В. Долгоруков возглавил только что созданную Ревизион-коллегию, которая должна была заниматься финансовым контролем за сбором и расходованием государственных средств³⁰.

Вскоре Михаил Владимирович вместе с братом Василием подвергся уголовному преследованию в ходе процесса царевича Алексея Петровича, поскольку на него пало подозрение в том, что он способствовал побегу царского сына в «цесарскую землю». 17 февраля 1718 г. у его дома был поставлен караул, а 16 марта генерал-губернатор А. Д. Меншиков арестовал и отправил сенатора из Петербурга в Москву³¹. Узнав о том, что братья М. В. и В. В. Долгоруковы взяты под стражу, к спасению двоюродных родственников подключился глава клана Я. Ф. Долгоруков. Последний обратился к государю с пространным письмом, в котором указывал на верность всего своего рода Петру I и, не оправдывая «сродственников», отмечал, что, может быть, они виновны в неумышленном произнесении каких-нибудь дерзновенных слов и достойны наказания, но не такого, как злодеи, с умыслом что-либо сделавшие³². Дело царевича Алексея продемонстрировало сочувствие и поддержку сына царя значительной части российской элиты, и великий преобразователь решил не вступать в открытый конфликт с аристократией. Прекрасно зная всех участников аристократической оппозиции, он наказал лишь немногих из них. В результате М. В. Долгоруков «за безделную вещь лишен был службы, чести и пожитку»³³, т. е. для него причастность к делу опального царевича обернулась потерей сенаторской должности и ссылкой в деревню, где он прожил три года³⁴.

9 января 1721 г. Михаил Владимирович получил позволение вернуться «из деревень своих» в Москву³⁵. В 1722 г. князь уже находился в старой столице³⁶, где 30 августа 1723 г. в платье «венецианского нобиля» принял участие в праздновании дня памяти святого Александра Невского³⁷.

15 января 1724 г. М. В. Долгоруков был назначен сибирским губернатором, а 7 мая того же года пожалован в статские советники³⁸. Петр I предписал вручить сановнику «обыкновенную от Сената инструкцию» и направить к месту службы «немедленно»³⁹. Кроме «Наказа воеводам» 1719 г. он получил право самому подбирать чиновников в Сибирской губернии до вице-губернатора включительно. Жалованье ему было определено по 809 р. 50 к. в год⁴⁰. Надо сказать, что Михаил Владимирович задержался в столице до коронации 7 мая жены Великого Петра Екатерины Алексеевны и прибыл в Тобольск лишь в декабре 1724 г.⁴¹

После проведения Областной реформы 1719 г. основной единицей территориального деления в России сделалась провинция, хотя и губерния также продолжала существовать. В Сенате и коллегиях все ведомости, списки и различные сведения составлялись по губерниям, но власть губернатора распространялась только на провинцию губернского города. Почти одновременно с местной была осуществлена Судебная реформа 1720 г. и создан надворный суд, который имел коллегиальное устройство

и являлся второй инстанцией по уголовным и гражданским делам⁴². Со смертью Петра I «все его местные учреждения погибли» и «остались только должности губернаторов и воевод, окруженных канцеляриями, в коих были сосредоточены как административные, так и судебные дела»⁴³. Ликвидация петровских областных органов власти имела главной целью упрощение и удешевление губернской и провинциальной администрации. Упразднив должности ассессоров, камериров, рентмейстеров, земских комиссаров и судей, правительство сосредоточило всю административную, судебную и финансовую власть на местах в руках губернаторов, сделав последних прямыми начальниками подчиненных им воевод, правивших провинциями и уездами. Расходы на содержание местного аппарата управления были сокращены до пределов возможного, жалование высшим чиновникам в регионах значительно уменьшено, а для канцелярских служителей и вовсе почти отменено⁴⁴.

Во времена губернаторства Михаила Владимировича Сибирский край включал Тобольскую, Енисейскую, Иркутскую, Вятскую и Соликамскую провинции, города Тобольск, Екатеринбург, Енисейск, Иркутск, Хлынов, Соль Камскую (Соликамск) и еще 40 пригородов и острогов. В губернии квартировали три пехотных и один драгунский гарнизонные полки. Здесь функционировали казенные заводы и рудники, «которым в 1725 г. для заводской работы» были приписаны 25 тыс. «душ мужского пола»⁴⁵.

Поселившись в Тобольске, М. В. Долгоруков проявил себя «деятельным и правдоушным» управленцем⁴⁶. По его предложению проводится преобразование административно-территориального устройства края: по указам 1725 г. «сибирские городы» разделены на три провинции, «которые к которым способнее»; 11 июля 1726 г. из Енисейской провинции в Тобольскую переданы Томск, Кузнецк и Нарым, что по мысли губернатора, должно было облегчить и упорядочить управление последними⁴⁷; а 20 апреля 1727 г. Вятская и Соликамская провинции «для способности» переведены из Сибирской губернии в Казанскую⁴⁸.

Правительство постоянно требовало от Михаила Владимировича присылать отчеты «о новых и важных делах»⁴⁹, «мнения касательно способов улучшить торговлю и отвратить тайный провоз товаров»⁵⁰, озаботиться сбором подушной подати⁵¹ и т. д.

Констатировав тот факт, что «подушных денег в Сибирской губернии вскорости бездоимочно собрать невозможно»⁵², князь выступил с инициативой сохранить в крае так называемые десятинную пашню и оброк, которые являлись основой для жизнедеятельности «государевых» пашенных и оброчных крестьян вплоть до начала 1760-х гг. «Ежели повелено будет пахать, – убеждал он президента Адмиралтейской коллегии Ф. М. Апраксина, – то... крестьянам в том тягости не будет, и прибыли будет казне»⁵³. В 1725 г. М. В. Долгоруков писал в Сенат: «А ежели десятинной пашни не пахать, то крестьянам всей земли будет не вспахать... провианта купить будет негде. <...> А хотя и покупают в разных местах провиант, то здешним обывателям купить будет про свою нужду негде, и вельми хлеб в то время будет дорогою ценою в продажу»⁵⁴. В результате по этому поводу в феврале 1726 г. последовал сенатский указ: «З государевых крестьян, которые папуг десятинную пашню... денег, положенных вместо помещичья доходу, не имать». Тем же распоряжением в Сибири восстанавливался и хлебный оброк⁵⁵. В 1729 г. известный петровский дипломат С. Л. Владиславич-Рагузинский отмечал: «Благоразумным управлением и доброю икономиею... губернатора сибирского... Долгорукова, около Тобольска хлеба так умножено, что на некоторых местах по 3 копейки пуд продают»⁵⁶.

Михаил Владимирович оказывал всестороннюю помощь начальнику Уральских казенных заводов В. И. Геннину в развитии горнозаводской промышленности в регионе: поставлял работников, оружейных «лутчих» мастеров и солдат к «горным и заводским делам»; отправлял деньги, припасы и амуницию для заводских нужд; организовывал защиту крепостей и слобод, где проживали приписные к заводам крестьяне, от нападений кочевых народов; учреждал «заставы» по границам губернии «для удержания» беглых и «чтоб волные шатающие люди в Сибирь не проходили»⁵⁷.

Знакомство с работой властных органов на местах привело князя к необходимости обратиться к Петру I с просьбой прислать к нему грамотных и честных чиновников, поскольку выяснилось, что в губернии «царедворцев и прочих чинов и шляхетства никого не обретается, а служили... дворяне и дети боярские из денежного и хлебного жалованья»⁵⁸. По сенатскому приговору в Сибирь было велено отправить двух подполковников на посты вице-губернаторов и 14 отставных офицеров на другие гражданские должности. Впрочем, в 1726 г. Михаил Владимирович писал сенаторам о том, что из определенных к нему вышеупомянутых администраторов «ни единого человека и поныне не прислано», в результате чего «за неимением в сибирских городах управителей, там в делах приключилась немалая остановка». Только 9 марта 1727 г. Верховный тайный совет приказал выбрать шесть «царедворцев» для службы под началом М. В. Долгорукова⁵⁹.

В 1724 г. князь подал в Сенат составленные им «штаты» необходимых для Сибирской губернии служилых людей. Он предложил установить их число во всех городах региона в 9131 человек с годовым жалованьем в 58 201 р., 26 362 четверти ржи, 6271 четверть овса и 1120 четвертей круп. Сенатскими указами 1725 и 1727 г. «долгоруковские штаты» были утверждены, а находящиеся на службе сибирские дворяне, дети боярские и казаки освобождены от подушной подати. Это привело к укреплению военной иерархии, отмиранию элементов «войскового» самоуправления и резкому уменьшению роли казачества в общественно-политической жизни в Сибири⁶⁰.

Согласно «Ведомости» 1726 г., при М. В. Долгорукове для личной и секретной переписки числились четыре человека, а в губернской канцелярии состояли 29 чиновников⁶¹.

Правительство постоянно нарушало принцип оплаты труда государственных служащих, и чиновники годами работали без денежного содержания. Как следует из донесения Михаила Владимировича в Сенат, вследствие недоимок и отправки всех собранных налогов в Санкт-Петербург и Москву в 1726 г. его «приказных служителей» держали «в земской конторе без выпуска», чтобы таким образом обеспечить управление необходимыми работниками, вынужденными служить практически даром. Но от такого «принуждения и от недачи жалованья многие канцеляристы разбежались, один зарезался ножом, а иные желают выйти в разные крестьянские и посадские тягла». Далее сановник с горечью замечал, что «отправление всех Сибирской губернии дел и денежных и ясачных сборов по нужде, за неимением довольного числа приказных людей» идет плохо⁶².

Отсутствие содержания толкало чиновников на нарушение законов и служило оправданием для получения взяток и поборов с населения. Но нарушали присягу и те, кто имел поместья и был обеспечен казенным жалованьем. Казнокрадство и взяточничество получили повсеместное распространение и отличались только масштабами. Назначенная князем в 1725 г. комиссия вскрыла факты вопиющего произвола со стороны местных властей всех уровней. Так, судебный комиссар Краснослободского дистрикта обвинялся

во взятках сразу по 52 челобитным, а судебные комиссары Ялуторовского и Ишимского дистриктов вымогали «поминки», пуская в ход даже пытки⁶³. Губернатор развернул широкую борьбу со служебными злоупотреблениями. По его представлению должности судебных чиновников в дистриктах были ликвидированы, а суды подчинены непосредственно воеводам⁶⁴.

Михаил Владимирович возглавил расследование преступлений членов Тобольского гофгерихта (надворного суда) по отношению к малым сибирским народам. За незаконное вознаграждение судьи допускали «крещеных бескабальных татар отдавать некрещеным татарам», с их последующей продажей другим заинтересованным лицам, в результате чего более 2 тыс. вогулов (манси), остяков (хантов) и киштымыв (хакасов) оказались в частных руках. Губернаторские следователи доказали виновность судебных чиновников. Князь М. В. Долгоруков и тобольский митрополит Антоний «постановили помянутых перепроданных новокрещеных... учинить свободными и дать свободные паспорта, чтоб нигде не кабалить и в неволе не держать», и указ «о свободном и безопасном приходе инородцев к принятию св. крещения» объявить «с барабанным боем» и прочитать во всех церквях Сибирской губернии⁶⁵. 21 февраля 1727 г. Сенат назначил Михаила Владимировича президентом Тобольского надворного суда, чтобы «ему ж и о... судей и судебных комиссаров непорядках... исследовать без упущения... и о винах... присылать в Юстиц-коллегию экстракты»⁶⁶. Однако вскоре (в том же году) надворный суд был упразднен.

Находясь в Тобольске, М. В. Долгоруков способствовал проезду через Сибирь в 1725 г. Первой Камчатской экспедиции В. Й. Беринга и «чинил ей всякое вспоможение»: выдавал провиант, денежное и хлебное жалованье команде капитан-командора, организовал помощь мореплавателям в строительстве ботов и лодок для исполнения порученной им задачи⁶⁷.

В 1725–1728 гг. Михаил Владимирович принимал активное участие в подготовке и организации русского посольства в Цинскую империю под руководством С. А. Владиславича-Рагузинского, в результате переговоров которого были заключены Буринский трактат от 20 августа 1727 г. и Кяхтинский договор от 21 октября 1727 г. (ратифицирован 14 июня 1728 г.), послужившие правовой основой взаимоотношений России и Китая вплоть до середины XIX столетия. Наряду с дипломатами М. В. Долгоруков был привлечен к обсуждению вопроса о пользе государственной монопольной торговли мехами вообще и «касательно российского с Китаем торгу мягкой рухлядью», в частности. Князь занимался укреплением крепостей по русско-китайской границе; выделил 30 тыс. рублей из таможенных и кабацких сборов Сибирской губернии для материального обеспечения С. А. Владиславича и его спутников, предоставил им провиант, пушнину, транспорт, конвой, провожатых, геодезистов-картографов и переводчиков, распорядился составить для дипломатических работников выписки из дел тобольского архива о «сношениях» с Цинской империей, ведомости «о тамошних границах», «сказки нерчинских старожилов о пограничных местах», карты пограничных районов и пр.⁶⁸ Сибирский губернатор, по словам С. А. Владиславича, «воистину человек дельный и благородный и... служит с великим усердием, и... мне... чинил всякое вспоможение с прилежностью» и «во всем моими поступками и определениями доволен»⁶⁹.

В 1727 г. по представлению М. В. Долгорукова возобновляются усилия по приведению в русское подданство Чукотки. В марте того же года в Москве князь принял

непосредственное участие в обсуждении проекта посылки якутского казачьего головы А. Ф. Шестакова для поиска и освоения новых земель и островов на Северном Ледовитом и Тихом океанах. На заседаниях Верховного тайного совета от Михаила Владимировича «многое к рассуждению было предложение». Он подал мнение о призыве «к российскому владению в подданство» «изменников, иноземцев и вновь сысканных», которые должны были выдавать сибирским властям заложников – «аманатов» и платить ясак. Согласно указу от 23 марта 1727 г., А. Ф. Шестакову с отрядом из 400 человек предписывалось выступить «для покорения земли», имея в составе экспедиции офицера и геодезиста. Кроме того, в Якутске и в острогах следовало сосредоточить до 1,5 тысяч служилых людей. Все мероприятия по подготовке к походу были возложены на Михаила Владимировича для того, «чтоб он... во отправлении вышеозначенной партии... велел поступать по своему рассмотрению»⁷⁰. К слову сказать, экспедиция А. Ф. Шестакова закончилась неудачей, так как чукчи и коряжки оказали упорное сопротивление вооруженным «открывателям» Чукотки⁷¹.

Князю приходилось участвовать в судьбе сосланных в Сибирь «птенцов гнезда Петрова». Так, известный «арап Петра Великого» А. П. Ганнибал в 1727 г. оказался в Тобольске по распоряжению А. Д. Меншикова, чтобы затем «по инструкции» губернатора М. В. Долгорукова выехать на русско-китайскую границу для строительства новой Селенгинской крепости. 28 мая того же года «полудержавный властелин» предписал Михаилу Владимировичу «иметь крепкий надзор» за деятельностью поручика «Аврама Петрова», который должен был немедленно отправиться на «приисканное место», чтобы «сделать... против чертежа крепость»⁷². Только в декабре 1729 г. предок А. С. Пушкина по рекомендации дипломата С. А. Владиславича-Рагузинского сумел добиться перевода в Томск с жалованьем «из доходов Сибирской губернии по десяти рублей на месяц»⁷³. Впоследствии А. П. Ганнибал упоминал о своих тогдашних злоключениях в письмах к А. П. Вольнскому.

15 июля 1728 г. опальный генералиссимус А. Д. Меншиков с детьми появился в Тобольске и встретился с М. В. Долгоруковым. Последний доносил в Москву, что он предоставил ссыльным два дня для отдыха, а 17 июля того же года выдал им 500 р. и под конвоем направил в Березов, где ближайший сподвижник Великого Петра и скончался 22 октября 1729 г.⁷⁴

Как свидетельствуют современные ученые, Михаил Владимирович смог бы больше поработать для улучшения организации управления губернией, но из шести с лишним лет губернаторства собственно в Сибири он находился с перерывами только три года и пять месяцев. Все остальное время князь пребывал в столицах⁷⁵. Однако его заслуги были высоко оценены высшей властью: 17 мая 1726 г. сановник стал действительным статским советником⁷⁶, 23 марта 1727 г. получил чин тайного советника⁷⁷, а 6 апреля 1729 г. произведен в действительные тайные советники⁷⁸.

4 сентября 1728 г. Михаилу Владимировичу разрешили оставить должность сибирского губернатора и вернуться в Москву «для лечения болезни его и нужд»⁷⁹. 8 декабря того же года князь со всем своим семейством на 50 подводах выехал из Тобольска и отправился в старую столицу; более в Сибирь он не возвращался⁸⁰.

По-видимому, сановник сознавал, что слишком мало успел сделать для подведомственного ему края, и 25 апреля 1733 г. лично ходатайствовал перед правительством о пособиях сибирским детям боярским и казакам. В ответ на просьбу М. В. Долгорукова

Сенат предполагал наделить их землями. Однако бывший руководитель региона на это замечал, что казаки крестьян не имеют, а сами постоянно заняты на службе. Дело кончилось тем, что были исключены из подушного оклада те служилые люди, которые оказались поверстаны из податных сословий. Всем остальным лишь пообещали «новые штаты и жалованье». По данному поводу историк П. А. Соловцов восклицал: «Едва ли не напрасно губернатор помешал доброй мере?»⁸¹

Когда М. В. Долгоруков приехал в Москву, то был там обласкан верховниками и, по мнению подавляющего большинства исследователей, 6 апреля 1729 г. назначен императором членом высшего органа исполнительной власти страны – Верховного тайного совета⁸². Однако некоторые ученые не согласны с данным утверждением: они считают, что Михаил Владимирович «звания министра не имел», никаких документов в этом качестве не подписывал, присутствовал на правительственных заседаниях только благодаря своему родству с влиятельными «персонами», хотя и признают, что восьмое кресло в Совете планировалось для него, но так и осталось вакантным до конца существования учреждения⁸³.

«Князья Долгорукие составляли тогда сильнейшую вельможную фамилию как по числу членов, так и по важности занимаемых ими должностей», – вспоминал генерал-фельдмаршал Б.-Х. Миних и, перечисляя главных представителей аристократического клана, упоминал среди прочих и Михаила Владимировича⁸⁴. Таким образом, последний признавался современниками человеком «не без веса и силы в правительстве» благодаря огромному богатству и обширными связям при дворе⁸⁵.

В конце 1729 г. литератор А. Д. Кантемир выступил с сатирой «На хулящих учения», в которой содержался выпад против бывшего сенатора и сибирского губернатора:

Обидно себе быть, мнит, в незнати старети,
Кому в роде семь бояр случилось имети
И две тысячи дворов за собой считает,
Хотя в прочем ни читать, ни писать не знает⁸⁶.

Когда обручившийся с княжной Е. А. Долгоруковой император тяжело заболел, генерал-фельдмаршал В. В. Долгоруков вместе с братом Михаилом приехал в Головинский дворец на совещание родственников. Здесь им пришлось выслушать предложение отца царской невесты А. Г. Долгорукова о том, «чтоб после его величества наследницею российского престола быть... княжне Екатерине». Однако по рассказу В. В. Долгорукова, и он, и брат его «князь Михайло... говорили: „Этому... статья не можно, понеже она за его величеством в супружестве не была“». По пути домой Василий и Михаил Владимировичи повели беседу между собой: «Вот мы отговариваем и претим, – сказал князь Михайло, – что княжне Катерине наследницею быть не можно, а... князь Алексей с братьями своими за то нас сгубят. – Плюнуть на них лучше, – ответил князь Василий, – правду им говорить, а не манить»⁸⁷.

Смерть юного Петра II в ночь на 19 января 1730 г. оказалась неожиданной для Верховного тайного совета. В соответствии с этим обстоятельством и Долгоруковы, и верховники действовали не по заранее обдуманному плану, а занимались импровизацией и принимали решения в условиях быстро меняющейся обстановки. В записке неизвестного чиновника о событиях 19 января говорится о том, что когда в Лефортовском дворце «его императорского величества не стало после полуночи в 1-м часу»,

то «Верховного тайного совету министры пошли в особливую камору... и пункты диктовали»⁸⁸. М. В. Долгоруков присутствовал на историческом заседании узкого круга вельмож, решивших судьбу престола в условиях возникшего династического кризиса, когда пресекалась мужская линия дома Романовых. Михаил Владимирович участвовал в избрании императрицы Анны Ивановны, в составлении первоначальной редакции предложенных ей «пунктов» и окончательной выработке «кондиций» об ограничении ее власти. Согласно подготовленным и подписанным курляндской герцогиней документам, Верховный тайный совет объявлялся постоянным органом из «осьми членов», без согласия которого Анна Ивановна не имела права назначать наследника, начинать войну, заключать мир и вводить новые налоги, а также производить в чины выше «полковничья ранга» и «определять» кого-либо к «знатным делам», а гвардии и прочим войскам находиться «под ведением» Совета. Императрица должна была принять на себя обязательство «у шляхетства живота, чести и имения без суда не отнимать», единолично «вотчины и деревни не жаловать», «государственные доходы в расходы не употреблять», тем самым отказываясь от традиционных прерогатив самодержца⁸⁹.

По действовавшему в то время законодательству, высшую власть в России олицетворял Верховный тайный совет, а потому его члены и взяли на себя ответственность пригласить на трон представительницу старшей ветви правящей династии. Механизм принятия такого важного для страны решения и сделанный «министрами» выбор не вызвали каких-либо протестов в обществе. Недовольство широких кругов дворянства, приехавших в столицу на свадьбу и попавших на похороны, вызвала «затейка верховников» тем же узким кругом лиц изменить политический строй России. В дворянской среде существовало убеждение в том, что такого рода вопрос должен был рассматриваться более широко и гласно. В событиях 1730 г. «первое сословие» выступило уже как единая, но не слишком организованная политическая сила, способная отстаивать свои интересы. Новгородский архиепископ Феофан Прокопович писал: «Жалостное везде по городу видение стало и слышание... только горестные нарекания на осьмилетних оных затейщиков; все их жестоко порицали, все проклинали необычное их дерзновение, несытое лакомство и властолюбие»⁹⁰. Дворянство не возражало против идеи ограничения самодержавия, но его возмущал замысел верховников заменить власть одного лица произволом «стольких тиранов», когда члены Совета «из себя самих вместо одного толпу государей сочиняли»⁹¹.

Как только было обнаружено содержание «кондиций» и объявлено о готовности Верховного тайного совета рассмотреть предложения шляхетства, началась горячка мнений, записок, устных заявлений о новом образе правления. Пока дворянские кружки в подаваемых проектах спешили заявить о своих сословных пожеланиях, верховники келейно разрабатывали и обсуждали план «конституции». По их замыслу, императрица могла распорядиться только своим двором; верховная власть должна была принадлежать Верховному тайному совету в составе 10 или 12 членов из знатнейших фамилий; Совет «начальствовал» над всеми войсками; «под Советом» предполагалось находиться Сенату из 36 членов, шляхетской камеры (палаты) из 200 депутатов по выбору дворянства и палаты городских представителей.

В конце концов, раздор в правительственных кругах, недовольство «шляхетства» и настроение гвардии привели к тому, что 25 февраля 1730 г. Анна Ивановна приняла формальную просьбу «гвардейства» и дворянства о восстановлении «самодержавства»,

разорвала ранее подписанные ею «кондиции» и «учинилась в суверенстве». Прежние проекты о новом государственном устройстве превратились в тот же день во «всеподданнейшую» челобитную «проектеров» об уничтожении Верховного тайного совета и о реформе Сената. Верховники не смогли помешать совершившемуся на их глазах государственному перевороту, потому что против них выступила гвардия. При таких условиях Совет «стал детски слаб и беспомощен», а 4 марта 1730 г. был упразднен⁹².

Своеобразной «пробой сил» ближайшего окружения новой императрицы стал первый акт опалы Долгоруковых, развернувшийся после окончания пасхальных празднеств 1730 г. Реакция на высылку из Москвы бывших верховников должна была показать правящей элите, насколько прочна власть Анны Ивановны и насколько способны объединиться вместе ее противники⁹³.

8 апреля 1730 г. М. В. Долгоруков получил назначение на пост астраханского губернатора⁹⁴, но уже 8 мая того же года он был уволен от должности и отправлен в свою Боровскую деревню недалеко от Петербурга жить «во всякой тихости, не переезжая никуда до указа»⁹⁵.

По-видимому, даже стремление удалить из столиц нежелательные для властей фигуры вызвало консолидацию лиц, боявшихся преследования за участие в составлении различных проектов о новой «форме правления» и прошений об ограничении самодержавия. В результате правительство решило определить опального вельможу на место отправленного в отставку руководителя Казанского края А. П. Вольнского «по причине различных жалоб на него»⁹⁶. Накануне этого события будущий член Кабинета министров императрицы стал получать неутешительные вести из Москвы о том, что в Казань назначен «будет губернатором князь Михаил Володимирович Долгоруков, который отсель поедет... не замешкав»⁹⁷. Действительно, 28 ноября 1730 г. М. В. Долгоруков стал казанским губернатором (или даже генерал-губернатором)⁹⁸, но был поставлен под контроль опытного областного администратора, вице-губернатора Н. Н. Кудрявцева.

Следует подчеркнуть, что правители Казанской губернии второй четверти XVIII столетия по знатности мало уступали своим столичным коллегам. «Генерал-губернаторство, равно как управление губернией, – отмечал академик Ю. В. Готье, – составляли обычно один из эпизодов долгой и успешной служебной деятельности» главы региона. Конечно, «губернские назначения... в царствование Анны... далеко не всегда были сообразованы с действительными нуждами тех областей, куда посылался новый правитель; придворные интриги... давали себя чувствовать гораздо чаще, чем следовало бы, и в начальники крупных областей попадали и „случайные“ люди»⁹⁹.

После принятия «Наказа губернаторам и воеводам и их товарищам» 1728 г. основную роль в местном управлении приобрели губернская, провинциальные и воеводские (городские) канцелярии. Штаты данных органов власти непрерывно возрастали. Губернатор должен был присутствовать в губернской канцелярии при рассмотрении «государственных и интересных дел». Кроме канцелярии в его подчинении находились особый секретарь и несколько канцеляристов для секретной переписки¹⁰⁰.

При императрице Анне Ивановне произошло фактическое восстановление прокуратуры. 2 апреля 1731 г. последовал именной указ о назначении кавалергарда Я. А. Маслова прокурором Казанской губернии. Поскольку суд и администрация в то время оказались «слиты в общих областных учреждениях», то при губернской канцелярии и был

организован «судебно-административный» надзор в лице губернского прокурора, подчиненного непосредственно генерал-прокурору Сената¹⁰¹.

10 апреля 1731 г. правительство приняло решение приписать к Казанской губернии Уфимскую и Симбирскую провинции «для скорого по указам исполнения и присылки рапортов»¹⁰².

Зная о недостатках местного управления, 17 августа 1731 г. Сенат запретил губернатору и воеводам притеснять городских и уездных жителей: им «обид и налогов отнюдь не чинить и никаких взятков... не имать, ... мастеровых и работных людей ни на какие свои работы не посылать и насильством ничего делать не принуждать»¹⁰³.

Еще осенью 1730 г. в столице выражали беспокойство нарастанием финансовых затруднений и сосредоточили внимание на системе сбора налогов в стране. Из-за многочисленных злоупотреблений губернаторов и воевод замедлились налоговые поступления в казну, а потому императрица «указала» передать взимание подушной подати из рук гражданских в руки военных властей. Но вышеупомянутая мера не помогла: из разоренного и истощенного населения оказалось невозможно выколотить деньги даже при помощи беспощадных экзекуций. Тогда 23 июня 1731 г. установили упрощенный порядок сбора: вся ответственность за поступление подушной подати была возложена на помещиков, за сбор с дворцовых и казенных крестьян отвечала администрация этих владений, а руководитель региона «понуждал» подчиненных представлять ему «счета», наблюдал, «чтоб оные как настоящие сборы, так и прошлых лет оставшиеся из доимки тщательно собирали», и отправлял «подробные счетные выписки» о всех государственных доходах в Камер-коллегию¹⁰⁴.

При М. В. Долгорукове в 1731 г. для успешного ведения миссионерского дела среди поволжских инородцев в Свияжске была сформирована особая Комиссия новокрещенских дел (Новокрещенская комиссия)¹⁰⁵. Кроме того, 3 и 10 апреля того же года правительство Анны Ивановны подтвердило льготы «новокрещеным разных народов людям» в Казанской губернии, которые давались тем еще в эпоху Петра Великого. Всем желающим принять православное христианство иноверцам предоставлялись: освобождение от податей и повинностей на три года и от крепостной зависимости, «сложение» недоимок и амнистия по всем преступлениям и проступкам, совершенным ими до крещения¹⁰⁶.

6 июня 1731 г. государыня утвердила сенатский доклад о том, чтобы «приписных к корабельным работам служивых татар судом и расправою ведать губернаторам и воеводам». Отныне лашманы могли подавать областным начальникам жалобы на «командиров» Казанского адмиралтейства, если адмиралтейцы «в работах их» станут «чинить им излишние тягости»¹⁰⁷.

С 10 июля 1731 г. М. В. Долгоруков занимался устройством застав для борьбы с контрабандой илецкой соли¹⁰⁸. А 13 августа того же года он получил распоряжение из Москвы засеять желудями «порозшие» земли чуваш «для размножения в Казанской губернии дубовых лесов»¹⁰⁹.

В январе – декабре 1731 г. князь «сочинял» для Синода выписки из скандальных донесений бывшего губернатора А. П. Вольнского и казанского митрополита Сильвестра¹¹⁰, вел следствие об «отрешенном от должности за обиды и взятки» козмодемьянском воеводе Ф. И. Обухове¹¹¹ и о торговых махинациях «соликамского купца»¹¹², проводил розыск «о лицах за кражу коней, побои и притеснения военных» в Новошешминске¹¹³.

В том же году Михаил Владимирович исполнял и некоторые дипломатические поручения центральных властей: он обеспечивал подводами, речными судами и охраной китайское посольство, возвращавшееся на родину после переговоров в Москве. 12–21 июля 1731 г. цинские послы провели в Казани, где губернатор «китайцов трактовал у себя богато убранным столом, чаем, также и разговорами своими учинил им великое довольство». Иностранцы обещали «за такую... превысочайшую милость... доносить... бокдохану» и рассчитывали на то, что тот «сие примет за доброй знак постоянной дружбы»¹¹⁴.

В 1730 г. правительство императрицы Анны Ивановны посчитало необходимым возобновить строительство протяженных оборонительных линий на юге и юго-востоке страны, где слабозаселенные лесостепные и степные территории государства были плохо защищены от внезапных набегов кочевников. Построенные еще в 1652–1656 гг. городки Старо-Закамской линии и форпосты по реке Черемшану уже не являлись реально охраняемым рубежом российских владений, по которому проходила исторически сложившаяся граница между земледельческим Закамьем и пока еще не освоенным Заволжьем. Новая Закамская линия протяженностью в 240 км от реки Самары до реки Кичуй состояла из совокупности отдельных фортификационных сооружений – крепостей, фельдшанцев, редутов, соединенных между собой засеками, валом и рвом¹¹⁵. Сенатский указ от 14 февраля 1731 г. поручал тайному советнику Ф. В. Наумову возглавить особую экспедицию (комиссию) и начать крупномасштабные работы «для лучшего охранения низовых городов за Волгою». Другим указом Сената от 19 февраля того же года предписывалось сформировать в Казанской губернии Шешминский, Билярский, Сергиевский конные и Алексеевский пехотный полки ландмилиции. Их следовало создать из жителей пригородов Старой Закамской линии, однодворцев и других категорий бывших служилых людей Среднего Поволжья. Эти четыре полка должны были охранять строительство новых укреплений и стать костяком ее гарнизонов¹¹⁶. На первых порах Ф. В. Наумов получил поддержку своего родственника и друга губернатора М. В. Долгорукова, с которым его связывала близость взглядов на происходившие события при императорском дворе. В конце апреля – начале мая начальник Закамской экспедиции посетил Казань и имел продолжительные беседы с руководителем края. 27 июля 1731 г. Сенат указал Михаилу Владимировичу мобилизовать «Казанского уезда закамских уездных жителей... три тысячи человек» для обеспечения строительных работ рабочей силой, а также снабдить их инструментами, пропитанием и деньгами¹¹⁷.

Новая волна репрессий против ключевых русских аристократических фамилий вылилась в целую череду дальних ссылок, тюремных заключений и физического истребления отдельных представителей Долгоруковых. 20 декабря 1731 г. Михаил Владимирович был срочно вызван в Москву, а 31 декабря отставлен от должности казанского губернатора¹¹⁸.

3 января 1732 г. князя препроводили в его деревню в Ярославском уезде, в конце января – феврале того же года – в село Бояриново в Галицком уезде. Здесь опальный сановник содержался под караулом без права свидания со своими детьми и близкими¹¹⁹. Впрочем, в некоторых изданиях справочного характера утверждается, что М. В. Долгоруков вместе с братом оказался в ссылке в городе Нарве¹²⁰.

По решению особого «Генерального собрания», образованного для рассмотрения «государственных воровских замыслов Долгоруких» (по составлению фальшивого

завещания Петра II о передаче престола Е. А. Долгоруковой) и утвержденного государыней 12 ноября 1739 г., четыре члена когда-то влиятельнейшего клана были казнены, а «князь Василий и князь Михайло Володимировы... Долгоруковы... за показанные ж важные их вины, хотя к смертной казни и приговорены и по винам той казни достойны», но получили помилование царицы и отправлены в пожизненное заключение в Соловецкий монастырь, с разрешением выходить из кельи только в церковь¹²¹. 10 июля 1740 г. М. В. Долгоруков уже находился в тюремной камере в Шлиссельбурге, где ему выдавался один рубль в день на содержание¹²². В марте следующего года кабинет-министры имели «общее рассуждение» об освобождении «из-под караула» Михаила Владимировича и о выдаче князю, «у которого детей многое число», на «пропитание и для постоянного житья» часть конфискованного у него имущества¹²³.

Однако свободу опальному аристократу вернула вступившая на престол дочь Петра Великого Елизавета Петровна. 1 и 3 декабря 1741 г. он был восстановлен в прежних чинах «со старшинством», ему возвратили чин действительного тайного советника и звание сенатора, а затем уволили со службы «за старостью». 8 января 1742 г. князь получил назад все отписанные у него имения¹²⁴. В январе того же года Михаил Владимирович являлся членом следственной комиссии по делу своих противников – вельмож аннинского царствования¹²⁵.

Почтенный сановник поселился в старой столице, где в 1748 г. его увидела на приеме у государыни великая княгиня Екатерина Алексеевна. Будущая «Северная Семирамида» оставила для потомков следующую запись по данному поводу: «После обеда привели к императрице одного старика... слепого <...> Это был князь Михаил Владимирович Долгоруков, который прежде был сенатором, но не умел ни читать, ни писать ничего, кроме своего имени», но «слыл за человека с большим умом и притом более основательным, чем у его брата» фельдмаршала. Елизавета Петровна очень милостиво с ним обошлась, после чего тот удалился к себе домой в сопровождении двух сыновей¹²⁶.

М. В. Долгоруков скончался 21 ноября (2 декабря) 1750 г. в Москве «во втором часу пополудни на день Входа Пресвятыя Богородицы, а жития его было 83 года и 7 дней»¹²⁷. Князя похоронили на кладбище Богоявленского монастыря¹²⁸. Так закончилась жизнь невольного сподвижника Петра Великого, чья карьера государственного деятеля продолжалась с перерывом около 50 лет.

¹ *Петров П. Н.* История родов русского дворянства. СПб., 1886. Т. 1. С. 36; *Бобринский А. А.* Дворянские роды, внесенные в Общий гербовник Всероссийской империи. СПб., 1890. Ч. 1. С. 57; *Непорожнев Н. П.* Списки титулованным родам и лицам Российской империи. СПб., 1892. С. 40; *Савелов А. М.* Родословные записи : опыт родословного словаря русского древнего дворянства. М., 1909. Вып. 3. С. 83–84.

² *Долгоруков П. В.* Российская родословная книга. СПб., 1854. Ч. 1. С. 91; *Справочный энциклопедический словарь / под ред. А. В. Старчевского.* СПб., 1855. Т. 4. С. 136;

Власьев Г. А. Потомство Рюрика : материалы для составления родословий. СПб., 1907. Т. 1. Ч. 3. С. 69; *Московский некрополь / под ред. великого князя Николая Михайловича.* СПб., 1907. Т. 1. С. 395; *История Правительствующего Сената за двести лет : 1711–1911 гг. : в 5 т.* СПб., 1911. Т. 5. С. 124.

³ *Долгоруков П. В.* Сказания о роде князей Долгоруковых. СПб., 1840. С. 99; *Серов А. О.*: 1) Администрация Петра I. М., 2007. С. 41; 2) Правительствующий Сенат в первой четверти XVIII века: кадровый выбор Петра I // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ

- (1682–1750) : сб. ст. / отв. сост.: Н. Н. Петрухинцев, Л. Эррен. М., 2013. С. 108.
- ⁴ Долгоруков П. В.: 1) Сказания о роде князей Долгоруковых. С. 99; 2) Российская родословная книга. Ч. 1. С. 91; Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах, хранящихся в 1-ом отделении Московского архива Министерства юстиции, с обозначением служебной деятельности каждого лица и годов состояния в занимаемых должностях. М., 1853. С. 117; Власьев Г. А. Потомство Рюрика... С. 47, 48, 49, 71, 72; Долгорукий А. В., Шпилевская Н. С. Долгорукие, Долгоруковы и Долгорукие-Аргутинские. СПб., 1913. Ч. 2. С. 49; Федорченко В. И. Сенаторы Российской империи : энциклопедия биографий. М., 2018. Т. 1. С. 353–354; Хоруженко О. И. Историческая география Оболенского уезда XVII–XVIII веков. М., 2019. С. 278.
- ⁵ Описание рода князей Долгоруковых // Российский магазин / трудами Феодора Туманского. СПб., 1792. Ч. 1. С. 358–359; Долгоруков П. В. Сказания о роде князей Долгоруковых. С. 99; Алфавитный указатель фамилий и лиц... С. 117; ПиБ. Т. 2 : (1702–1703). СПб., 1889. С. 270, 280, 281; Власьев Г. А. Потомство Рюрика... С. 69, 70; Долгорукий А. В., Шпилевская Н. С. Долгорукие, Долгоруковы и Долгорукие-Аргутинские. Ч. 2. С. 58; Богословский М. М. Петр I : материалы для биографии. М., 1946. Т. 3. С. 146; Захаров А. В. Государев двор Петра I : публикация и исследование массовых источников разрядного делопроизводства. Челябинск, 2009. С. 283, 328.
- ⁶ Долгоруков П. В. Сказания о роде князей Долгоруковых. С. 100; Петров П. Н. История родов русского дворянства. Т. 1. С. 38; Власьев Г. А. Потомство Рюрика... С. 70; Долгорукий А. В., Шпилевская Н. С. Долгорукие, Долгоруковы и Долгорукие-Аргутинские. Ч. 2. С. 59; Мурзанов Н. А. Словарь русских сенаторов. 1711–1917 гг. : материалы для биографий / изд. подг. Д. Н. Шилов. СПб., 2011. С. 155; Хоруженко О. И. Историческая география Оболенского уезда... С. 294–295.
- ⁷ Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого / под ред. Н. Ф. Дубровина. СПб., 1892. Т. 5. Кн. 1. С. 47.
- ⁸ Серов А. О. Правительствующий Сенат в первой четверти XVIII века... С. 112–113.
- ⁹ ПСЗ. Собрание первое [сокращенно: ПСЗ-I]. СПб., 1830. Т. 4. № 2321. С. 627; Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I : редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники. М. ; Л., 1945. Т. 1. С. 197.
- ¹⁰ Анисимов Е. В.: 1) Время петровских реформ. Л., 1989. С. 152; 2) Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997. С. 29; Каменский А. Б. От Петра I до Павла I : реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М., 2001. С. 118, 119.
- ¹¹ ПСЗ-I. Т. 4. № 2328. С. 642–643; № 2330. С. 643.
- ¹² ПиБ. Т. 11, вып. 1: (январь – 12 июля 1711). М., 1962. С. 99.
- ¹³ Уланов В. Я. Преобразования управления при Петре Великом // Три века : Россия от Смуты до нашего времени. М., 1992. С. 254.
- ¹⁴ ПиБ. Т. 11, вып. 1. С. 102–104.
- ¹⁵ ПСЗ-I. Т. 4. № 2331. С. 643–644; ПиБ. Т. 11, вып. 1. С. 125.
- ¹⁶ Латкин В. Н. Учебник истории русского права периода империи (XIX и XX ст.). 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 1909. С. 283, 284, 294, 295, 296, 297; Романовский В. Е. Государственные учреждения древней и новой России. 3-е изд., испр. и доп. М., 1911. С. 202, 203, 204.
- ¹⁷ Латкин В. Н. Учебник истории русского права... С. 294, 295.
- ¹⁸ Градовский А. Д. Начала русского государственного права. Органы управления // Собр. соч. СПб., 1908. Т. 8. С. 258, 259, 267.
- ¹⁹ История Правительствующего Сената за двести лет... Т. 1. С. 119; Антилогов Г. Н. Сенат при Петре I // Исторический журнал. 1941. № 4. С. 40–49; Чернов А. В. Государственные учреждения России в XVIII веке (Законодательные материалы) : справочное пособие. М., 1960. С. 9–14; Стещенко А. А., Софроненко К. А. Государственный строй России в первой четверти XVIII в. М., 1973. С. 39–43; Павленко Н. И. Петр Великий. М., 1994. С. 333, 334; Курков К. Н. Члены Правительствующего Сената – высшего

- законосовещательного органа Российской империи. 22 февраля 1711 – 3 марта 1917 : справочное издание. М., 2005. С. 3, 4, 5, 10; *Писарькова А. Ф.* Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века : эволюция бюрократической системы. М., 2007. С. 102–103, 111; *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений до-революционной России : науч.-педагогич. тр. 5-е изд., доп. М., 2008. С. 82–83.
- ²⁰ *Ключевский В. О.* Русская история : полный курс лекций. М., 1993. Кн. 3. С. 17.
- ²¹ *Латкин В. Н.* Учебник истории русского права... С. 284–285.
- ²² ПСЗ-I. Т. 4. № 2321. С. 627; *Голиков П. П.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранныя из достоверных источников и расположенныя по годам. 2-е изд. М., 1838. Т. 4. С. 216; *Долгоруков П. В.* Сказания о роде князей Долгоруковых. С. 99; Справочный энциклопедический словарь. Т. 4. С. 136; Опись именным высочайшим указам и повелениям царствования императора Петра Великого. 1704–1725 / сост. П. И. Баранов // Архив Правительствующего Сената. СПб., 1872. Т. 1. С. 10; *Власьев Г. А.* Потомство Рюрика... С. 69; История Правительствующего Сената за двести лет... Т. 1. С. 119–120; *Долгорукий А. В., Шпилевская Н. С.* Долгорукие, Долгоруковы и Долгорукие-Аргутинские. Ч. 2. С. 58; *Воскресенский Н. А.* Законодательные акты Петра I. Т. 1. С. 197; *Мурзанов Н. А.* Словарь русских сенаторов. С. 155; *Серов А. О.* Правительствующий Сенат в первой четверти XVIII века... С. 105, 106; *Федорченко В. П.* Сенаторы Российской империи. Т. 1. С. 354.
- ²³ *Петровский С. А.* О Сенате в царствование Петра Великого : историко-юридическое исследование // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1876. Кн. 3. С. 50; История Правительствующего Сената за двести лет... Т. 1. С. 123; Пиб. Т. 13, вып. 2 : (14 июня – декабрь 1713 г.). М., 2003. С. 253, 481; *Серов А. О.* Правительствующий Сенат в первой четверти XVIII века... С. 111, 112.
- ²⁴ *Корсаков А. А.* Воцарение императрицы Анны Иоанновны : исторический этюд. Казань, 1880. С. 33.
- ²⁵ Характеры знатнейших особ в России в царствование императора Петра II и императрицы Анны // Сын Отечества. 1822. Ч. 77. № 20. С. 249; Записки дюка Лирийского // Русский архив. 1909. Кн. 3. С. 401; Герцог Лирийский. Записки о пребывании при императорском российском дворе в звании посла короля испанского // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989. С. 251.
- ²⁶ *Долгоруков П. В.* Время императора Петра II и императрицы Анны Иоанновны. М., 1909. С. 38.
- ²⁷ *Соловьев С. М.* Работы разных лет // Сочинения. М., 1998. Кн. 21. С. 119–120.
- ²⁸ *Голиков П. П.* Деяния Петра Великого... Т. 4. С. 216–217.
- ²⁹ Описание дел архива Морского министерства за время с половины XVII до начала XIX столетия. СПб., 1879. Т. 2. С. 196.
- ³⁰ *Писарькова А. Ф.* Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века... С. 180.
- ³¹ *Голиков П. П.* Деяния Петра Великого... Т. 7. С. 331, 332; *Долгоруков П. В.* Сказания о роде князей Долгоруковых. С. 99; *Долгорукий А. В., Шпилевская Н. С.* Долгорукие, Долгоруковы и Долгорукие-Аргутинские. Ч. 2. С. 58; Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова 1716–1720, 1726–1727 гг. // Российский архив : История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 2000. Вып. 10. С. 206, 593; *Мурзанов Н. А.* Словарь русских сенаторов. С. 155.
- ³² *Голиков П. П.* Деяния Петра Великого... Т. 7. С. 334–335; *Долгорукий А. В., Шпилевская Н. С.* Долгорукие, Долгоруковы и Долгорукие-Аргутинские. СПб., 1869. Ч. 1. С. 54–56.
- ³³ *Страленберг Ф.-И.* Записки об истории и географии Российской империи Петра Великого. М.; Л., 1985. Ч. 1. С. 131; 1986. Ч. 2. С. 317.
- ³⁴ *Долгоруков П. В.* Сказания о роде князей Долгоруковых. С. 99; *Корсаков А. А.* Воцарение императрицы Анны Иоанновны. С. 34; *Власьев Г. А.* Потомство Рюрика... С. 70; История Правительствующего Сената за двести лет... Т. 1. С. 124; *Долгорукий А. В., Шпилевская Н. С.* Долгорукие, Долгоруковы и Долгорукие-Аргутинские. Ч. 2. С. 58; *Антилов Г. Н.* Сенат при Петре I. С. 44; *Анисимов Е. В.* Куда ж нам плыть? Россия

- после Петра Великого. М., 2010. С. 23; *Мурзанов Н. А.* Словарь русских сенаторов. С. 155; *Федорченко В. И.* Сенаторы Российской империи. Т. 1. С. 354.
- ³⁵ *Долгоруков П. В.* Сказания о роде князей Долгоруковых. С. 99; *Власьев Г. А.* Потомство Рюрика... С. 70; *Долгорукий А. В., Шпилевская Н. С.* Долгорукие, Долгоруковы и Долгорукие-Аргутинские. Ч. 2. С. 58.
- ³⁶ Дипломатические документы, относящиеся к истории России в XVIII столетии // Сб. РИО. СПб., 1868. Т. 3. С. 341; Описание именным высочайшим указам и повелениям... С. 81.
- ³⁷ *Голиков П. П.* Деяния Петра Великого... Т. 9. С. 514, 515, 516.
- ³⁸ РГИА. Ф. 1681. Оп. 1. Д. 97. Л. 4 об., 6; *Голиков П. П.* Деяния Петра Великого... Т. 10. М., 1839. С. 352, 399, 400; Описание именным высочайшим указам и повелениям... С. 121, 129; Описание дел архива Морского министерства... СПб., 1891. Т. 6. С. 811.
- ³⁹ Письма и указы императора Петра I // Сб. РИО. СПб., 1872. Т. 11. С. 528; Бумаги императора Петра I / изд. А. Ф. Бычков. СПб., 1873. С. 528.
- ⁴⁰ ПСЗ-I. Т. 7 : (1723–1727). СПб., 1830. № 4764. С. 530; Т. 43. Ч. 1. С. 530.
- ⁴¹ Власть в Сибири: XVI – начало XX в. : [межархивный справочник]. 2-е изд., перераб. и доп. / сост. М. О. Акишин, А. В. Ремнев. Новосибирск, 2005. С. 523.
- ⁴² *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. С. 99, 100.
- ⁴³ *Градовский А. Д.* Исторический очерк учреждения генерал-губернаторств в России // Русский вестник. 1869. Т. 84, № 11. С. 10.
- ⁴⁴ *Готье Ю. В.* Из истории областного управления XVIII века : постоянные учреждения и особые поручения. Казань, б. г. С. 1.
- ⁴⁵ *Кирилов П. К.* Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977. Кн. 2. С. 260–302.
- ⁴⁶ *Словцов П. А.* Историческое обозрение Сибири. СПб., 1886. Кн. 1. С. 279.
- ⁴⁷ ПСЗ-I. Т. 7. № 4606. С. 380; № 4916. С. 670–671.
- ⁴⁸ ПСЗ-I. Т. 7. № 5065. С. 782–783.
- ⁴⁹ Описание высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском сенатском архиве за XVIII век. 1725–1740 / сост. П. И. Баранов // Архив Правительствующего Сената. СПб., 1875. Т. 2. С. 35.
- ⁵⁰ ПСЗ-I. Т. 7. № 5136. С. 834–835.
- ⁵¹ Там же. № 5037. С. 762–763; Т. 8. № 5221. С. 1–2.
- ⁵² О народонаселении Сибири, и о десятинной пашне, в царствование императрицы Екатерины Первой : донесения сибирского губернатора М. В. Долгорукова // Северный архив. 1825. Ч. 18. № 23. С. 242.
- ⁵³ О народонаселении Сибири, и о десятинной пашне, в царствование императрицы Екатерины Первой : донесения сибирского губернатора М. В. Долгорукова // Северный архив. 1825. Ч. 18. № 22. С. 113.
- ⁵⁴ Там же. С. 116–119.
- ⁵⁵ *Акишин М. О.* Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века : структура и состав государственного аппарата. М. ; Новосибирск, 2003. С. 70, 71.
- ⁵⁶ Русско-китайские отношения в XVIII веке : документы и материалы / отв. ред. С. Л. Тихвинский. М., 1990. Т. 2 : 1725–1727. С. 538–539.
- ⁵⁷ Описание документов и дел, хранящихся в Сенатском архиве / под ред. И. А. Блинова. СПб., 1910. Отд. 1. Т. 2. С. 2; *Геншин В. И.* Уральская переписка с Петром I и Екатериной I. Екатеринбург, 1995. С. 275, 278–279, 289–290, 312–313, 413–414, 443.
- ⁵⁸ *Акишин М. О.* Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века... С. 67.
- ⁵⁹ Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета // Сб. РИО. СПб., 1888. Т. 63. С. 233–234; *Демкин А. В.* Внутренняя политика Екатерины I и Верховного тайного совета. М., 2011. С. 212, 213.
- ⁶⁰ *Акишин М. О.* Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века... С. 67–68.
- ⁶¹ ПСЗ-I. Т. 7. № 4866. С. 599; Т. 44. Ч. 2. С. 8; *Кирилов П. К.* Цветущее состояние Всероссийского государства. Кн. 2. С. 260.
- ⁶² *Акишин М. О.* Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века... С. 105, 106; *Писарькова Л. Ф.* Российская бюрократия в эпоху Петра I // Отечественная история. 2004. № 2. С. 9.
- ⁶³ Власть в Сибири... С. 523.
- ⁶⁴ ПСЗ-I. Т. 7. № 5015. С. 741–743.

- ⁶⁵ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1880. Т. 4. С. 248–254.
- ⁶⁶ ПСЗ-I. Т. 7. № 5015. С. 743.
- ⁶⁷ Описание дел архива Морского министерства... СПб., 1877. Т. 1. С. 71; Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. : сб. документов / гл. ред. А. Л. Нарочницкий. М., 1984. С. 36–37, 40, 43–44.
- ⁶⁸ Русско-китайские отношения в XVIII веке. М., 1978. Т. 1 : 1700–1725. С. 426, 429, 621–622; Т. 2. С. 44–55, 76–78, 104–105, 153–154, 162–163, 219–222, 229–230, 233–240, 260–262, 266, 271–273, 284–285, 347–349, 354–357, 369–371, 398–399, 406–408, 466–468, 483, 537–538, 568, 582; М., 2006. Т. 3 : 1727–1729. С. 209, 450–451, 481.
- ⁶⁹ Там же. Т. 3. С. 239, 270.
- ⁷⁰ ПСЗ-I. Т. 7. № 5049. С. 770–772; Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета. Т. 63. С. 44, 85, 101, 195, 248–249, 283–285, 292; Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана... С. 55, 59–60; Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова... С. 525–526, 605.
- ⁷¹ Власть в Сибири... С. 523.
- ⁷² *Шубинский С. Н.* Княгиня А. П. Волконская и ее друзья : эпизод из придворной жизни XVIII столетия // Исторический вестник. 1904. Т. 98. Дек. С. 938, 943, 944, 945; Русско-китайские отношения в XVIII веке. Т. 3. С. 81.
- ⁷³ *Павленко Н. И.* Птенцы гнезда Петрова. М., 1994. С. 359; Русско-китайские отношения в XVIII веке. М., 2016. Т. 5 : 1729–1733. С. 102.
- ⁷⁴ *Есипов Г. В.* Тяжелая память прошлого : рассказы из дел Тайной канцелярии и других архивов. СПб., 1885. С. 252, 253; *Павленко Н. И.* Птенцы гнезда Петрова. С. 122, 123.
- ⁷⁵ Власть в Сибири... С. 523–524.
- ⁷⁶ Походный журнал 1726 года. СПб., 1855. С. 19.
- ⁷⁷ Опись высочайшим указам и повелениям... Т. 2. С. 62; Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета. Т. 63. С. 412.
- ⁷⁸ Опись высочайшим указам и повелениям... Т. 2. С. 186; Описание дел архива Морского министерства... СПб., 1882. Т. 3. С. 415.
- ⁷⁹ Опись высочайшим указам и повелениям... Т. 2. С. 167; Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета. СПб., 1893. Т. 84. С. 502.
- ⁸⁰ Власть в Сибири... С. 524.
- ⁸¹ *Словцов П. А.* Историческое обозрение Сибири. Кн. 1. С. 286.
- ⁸² *Долгоруков П. В.* Сказания о роде князей Долгоруковых. С. 99; *Долгорукий А. В., Шпилевская Н. С.* Долгорукие, Долгоруковы и Долгорукие-Аргутинские. Ч. 1. С. 102; *Бобринский А. А.* Дворянские роды, внесенные в Общий гербовник Всероссийской империи. Ч. 1. С. 57; *Власьев Г. А.* Потомство Рюрика... С. 70; *Павленко Н. И.* Вокруг трона. М., 1999. С. 526; Областные правители России, 1719–1739 гг. / сост. М. В. Бабич, И. В. Бабич. М., 2008. С. 302; *Мурзанов Н. А.* Словарь русских сенаторов. С. 155; *Федорченко В. И.* Сенаторы Российской империи. Т. 1. С. 354.
- ⁸³ *Корсаков А. А.* Воцарение императрицы Анны Иоанновны. С. 3; *Милюков П. Н.* Верховники и шляхетство. Ростов-на-Дону, 1905. С. 9; *Курукин П. В.* Эпоха «аворцовых бурь» : очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762. Рязань, 2003. С. 173, 185.
- ⁸⁴ *Миних Б.-Х.* Записки. СПб., 1874. С. 146.
- ⁸⁵ *Арсеньев К. И.* Царствование Петра II. СПб., 1839. С. 49.
- ⁸⁶ *Каптемир А. А.* Собрание стихотворений. Л., 1956. С. 61.
- ⁸⁷ Князья Долгоруковы в 1730–1740 гг. // Русская старина. 1878. Т. 23. С. 738–740.
- ⁸⁸ Документы о восшествии на престол императрицы Анны Иоанновны // Памятники новой русской истории : сб. ист. статей и материалов. СПб., 1871. Т. 1. Отд. 2. С. 10.
- ⁸⁹ *Ключевский В. О.* Русская история. Кн. 3. С. 118–121; *Глатонов С. Ф.* Лекции по русской истории. М., 1993. С. 549–550; *Каменский А. Б.* От Петра I до Павла I... С. 213, 214; *Курукин П. В., Глатников А. Б.* 19 января – 25 февраля 1730 года: события, люди, документы. М., 2010. С. 185, 186; *Курукин П. В.* Артемий Вольнский. М., 2011. С. 130–131.
- ⁹⁰ *Ключевский В. О.* Русская история. Кн. 3. С. 122.
- ⁹¹ Там же. С. 124.
- ⁹² *Глатонов С. Ф.* Лекции по русской истории. С. 552; *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. С. 110.

- ⁹³ *Петрухицев Н. Н.* Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривластного курса и судьба армии и флота. СПб., 2001. С. 48.
- ⁹⁴ *Долгоруков П. В.* Сказания о роде князей Долгоруковых. С. 99, 237–238; Описание высочайшим указам и повелениям... Т. 2. С. 219; Дипломатические документы, относящиеся к истории России в XVIII столетии // Сб. РИО. СПб., 1870. Т. 5. С. 378.
- ⁹⁵ *Долгоруков П. В.* Сказания о роде князей Долгоруковых. С. 99, 241; Описание высочайшим указам и повелениям... Т. 2. С. 221.
- ⁹⁶ Дипломатические документы, относящиеся к истории России в XVIII столетии. Т. 5. С. 387.
- ⁹⁷ *Чистович П. А.* Дело архимандрита казанского Спасского монастыря Ионы Салникова из первой половины XVIII века // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1868. Кн. 3. С. 68, 69, 71; Из переписки А. П. Вольнского // Памятники новой русской истории. СПб., 1872. Т. 2. Отд. 2. С. 243.
- ⁹⁸ *Долгоруков П. В.* Сказания о роде князей Долгоруковых. С. 99; *Пунарев А. Г.* Казанские губернаторы. Казань, 1856. С. 5; Описание высочайшим указам и повелениям... Т. 2. С. 236; Описание дел архива Морского министерства... Т. 3. С. 444; Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1903. Т. 11. С. 174.
- ⁹⁹ *Готье Ю. В.* История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. М., 1913. Т. 1. С. 207, 208, 209.
- ¹⁰⁰ *Куликов Ю. В.* Государственные учреждения XVIII века. М., 1956. С. 32; *Чернов А. В.* Государственные учреждения России в XVIII веке... С. 368–370.
- ¹⁰¹ *Готье Ю. В.* История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 7.
- ¹⁰² Описание дел архива Морского министерства... Т. 3. С. 432.
- ¹⁰³ ПСЗ-И. Т. 8. № 5833. С. 536–538; Описание дел архива Морского министерства... Т. 3. С. 441.
- ¹⁰⁴ ПСЗ-И. Т. 8. № 5789. С. 485–505.
- ¹⁰⁵ *Малов Е. А.* О Новокрещенской конторе : речь, произнесенная в торжественном годичном собрании Казанской духовной академии 1878 г. Казань, 1878. С. 3; Спутник по Казани : иллюстрированный указатель и справочная книжка города / под ред. Н. П. Загоскина. Казань, 1895. С. 260.
- ¹⁰⁶ ПСЗ-И. Т. 8. № 5737. С. 447–448; Описание дел архива Морского министерства... Т. 3. С. 433; СПб., 1895. Т. 7. С. 185; *Титлинов Б. В.* Правительство императрицы Анны Иоанновны в его отношении к делам православной церкви. Вильно, 1905. С. 432–433.
- ¹⁰⁷ ПСЗ-И. Т. 8. № 5772. С. 471–472; Описание дел архива Морского министерства... СПб., 1895. Т. 7. С. 170.
- ¹⁰⁸ Описание дел архива Морского министерства... Т. 3. С. 440.
- ¹⁰⁹ *Артемьев А. П.* История посещения Казани Петром Великим // Казанские губернские ведомости. Ч. неофиц. 1845. 30 июня, № 31. С. 310; *Пинегин М. Н.* Казань в ее прошлом и настоящем : очерки по истории, достопримечательностям и современному положению города, с приложением кратких адресных сведений с 8-ю видами города. СПб., 1890. С. 159.
- ¹¹⁰ *Чистович П. А.* Дело архимандрита казанского Спасского монастыря Ионы Салникова... С. 121.
- ¹¹¹ *Готье Ю. В.* Следственные комиссии по злоупотреблениям областных властей в XVIII веке : сб. статей, посвященных В. О. Ключевскому его учениками, друзьями и почитателями ко дню тридцатилетия его профессорской деятельности в Московском университете (5 декабря 1879 – 5 декабря 1909 года). М., 1909. С. 115.
- ¹¹² Описание документов и дел, хранящихся в Сенатском архиве. Отд. 1. Т. 2. С. 87.
- ¹¹³ Там же. С. 34.
- ¹¹⁴ Русско-китайские отношения в XVIII веке. Т. 5. С. 293–294, 328, 329, 410, 411, 413–416.
- ¹¹⁵ *Смирнов Ю. Н.* Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30–40-е гг. XVIII века. Самара, 1997. С. 18, 20, 21, 22; *Дубман Э. А.* Новая Закамская линия: судьба, проект, строительство. 2-е изд., испр. и доп. Самара, 2005. С. 5, 20, 22; *Петрухицев Н. Н.* Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730–1740). М., 2014. С. 236, 238, 239.

- ¹¹⁶ *Дубман Э. А.* Новая Закамская линия... С. 25–27.
- ¹¹⁷ ПСЗ-І. Т. 8. № 5808. С. 517–518.
- ¹¹⁸ *Долгоруков П. В.* Сказания о роде князей Долгоруковых. С. 99; Описание высочайшим указам и повелениям... Т. 2. С. 259; Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны // Сб. РИО. Юрьев, 1898. Т. 104. С. 89; *Власьев Г. А.* Потомство Рюрика... С. 70; *Долгорукий А. В., Шпилевская Н. С.* Долгорукие, Долгоруковы и Долгорукие-Аргутинские. Ч. 2. С. 59; Описание документов и дел, хранящихся в Сенатском архиве. Отд. 1. Т. 2. С. 92.
- ¹¹⁹ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 79. Д. 35937. Л. 1–8; Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны // Сб. РИО. Юрьев, 1898. Т. 104. С. 115, 165, 180; Описание документов и дел, хранящихся в Сенатском архиве. Отд. 1. Т. 2. С. 100, 106, 111.
- ¹²⁰ *Бобринский А. А.* Дворянские роды, внесенные в Общий гербовник Всероссийской империи. Ч. 1. С. 57; *Муранов Н. А.* Словарь русских сенаторов. С. 155; *Федорченко В. П.* Сенаторы Российской империи. Т. 1. С. 354.
- ¹²¹ ПСЗ-І. Т. 10. № 7942. С. 944–948; *Долгоруков П. В.* Сказания о роде князей Долгоруковых. С. 99, 255–256; Описание дел архива Морского министерства... Т. 4. С. 121, 125; *Корсаков Д. А.* Из жизни русских деятелей XVIII века. Казань, 1891. С. 132; *Муранов Н. А.* Словарь русских сенаторов. С. 155.
- ¹²² Описание высочайшим указам и повелениям... СПб., 1878. Т. 3. С. 61; Журналы и определения Правительствующего Сената за 1741 г. // Сенатский архив. СПб., 1891. Т. 4. С. 576–577; *Долгорукий А. В., Шпилевская Н. С.* Долгорукие, Долгоруковы и Долгорукие-Аргутинские. Ч. 2. С. 59.
- ¹²³ Внутренний быт Русского государства с 17-го октября 1740 г. по 25-е ноября 1741 года по документам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1886. Кн. 2. С. 40.
- ¹²⁴ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 75. Д. 34216. Л. 1–216; РГИА. Ф. 1681. Оп. 1. Д. 98. Л. 4, 5; Описание высочайшим указам и повелениям... Т. 3. С. 77, 78, 85; Описание дел архива Морского министерства... Т. 4. С. 177; Журнал и протокольная записка собрания министров и генералитета с 25 ноября по 12 декабря 1741 г. // Сенатский архив. СПб., 1892. Т. 5. С. 318; *Власьев Г. А.* Потомство Рюрика... С. 70; *Долгорукий А. В., Шпилевская Н. С.* Долгорукие, Долгоруковы и Долгорукие-Аргутинские. Ч. 2. С. 59; *Муранов Н. А.* Словарь русских сенаторов. С. 155.
- ¹²⁵ *Пекарский П. П.* Исторические бумаги, собранные К. И. Арсеньевым // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1872. Т. 9. С. 222.
- ¹²⁶ *Екатерина Вторая.* Записки императрицы. М., 1989. С. 151, 278–279.
- ¹²⁷ Надписи, находящиеся в Богоявленском Московском монастыре // Древняя российская вивлиофика. 2-е изд. М., 1791. Ч. 19. С. 338; *Хоруженко О. П.* Историческая география Оболенского уезда... С. 286.
- ¹²⁸ *Долгоруков П. В.* Российская родословная книга. Ч. 1. С. 91; Справочный энциклопедический словарь. С. 136; *Бобринский А. А.* Дворянские роды, внесенные в Общий гербовник Всероссийской империи. Ч. 1. С. 57; *Власьев Г. А.* Потомство Рюрика... С. 69; Московский некрополь. Т. 1. С. 395; *Он же.* Потомство Рюрика... С. 70; *Долгорукий А. В., Шпилевская Н. С.* Долгорукие, Долгоруковы и Долгорукие-Аргутинские. Ч. 2. С. 59; *Муранов Н. А.* Словарь русских сенаторов. С. 155; *Федорченко В. П.* Сенаторы Российской империи. Т. 1. С. 353.